

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА: ТЕМЫ, ИДЕИ, ОБРАЗЫ

*Нурғали К. Р., доктор филологических наук,
Ананьева С. В., кандидат филологических наук*

RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF KAZAKHSTAN: THEMES, IDEAS, IMAGES

Nurgali K. R., Ananyeva S. V.

Солидная ветвь русскоязычной литературы Казахстана включает творчество казахских, корейских, татарских прозаиков и поэтов. Литературный критик В. Бадиков активно вводил понятие «художественный билингвизм». «Оно звучит более нейтрально и типологично, чем «двужычие» или «казахские русскоязычные поэты», против которого возражал, например, О. Жанайдаров. «Художественный билингвизм», по нашему мнению, предполагает прежде всего владение двумя языками в эстетическом, творческом плане, хотя на практике мы нередко имеем по крайней мере два типа: неполное (одностороннее) двужычие и полное (двустороннее). В первом случае автор, скажем, казах, в качестве языка собственного творчества пользуется русским, переводит с казахского на русский, но сам на казахском языке не пишет, хотя знает его. Сюда относятся почти все казахские русскоязычные писатели, за редким исключением. Случай полного «художественного билингвизма» являет собой, например, творчество

В. Набокова, Р. Сейсенбаева, отчасти М. О. Ауэзова, Ч. Айтматова, А. Нурпеисова, В. Быкова и др. Так, Набоков писал по-русски и по-английски в одинаковой степени совершенно и даже иногда переводил себя с одного языка на другой. Это очевидный феномен двойной литературной принадлежности, или «двойного литературного гражданства» (А. Дравич) – русского и английского»¹.

Ф. Тамендаров, М. Пак, Ст. Ли, Л. Сон, А. Кан, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, О. Жанайдаров, У. Тажкен, О. Арукенова и многие другие пишут на русском языке. Мифопоэтическое стилизованное письмо сменилось прозой интеллектуальной. М. Пак, Ст. Ли, У. Тажкен сочетают занятия писательским мастерством и живопись. Но мы разделяем точку зрения В. Бадикова по поводу того, что «кто бы он ни был – живописец, европеец или русский с лицом корейца, все равно остается он корейцем по своему художественному мироощущению, воплощенному особенно полно в его прозе и стихах, лирико-философ-

ских, с глубоким символическим подтекстом»².

С 13 по 17 ноября 2019 г. в Брюсселе (Бельгия) проходил VIII открытый Евразийский литературный фестиваль, где были представлены авторы из более 25-ти стран. Переведенная на английский язык повесть члена Казахского ПЕН-клуба Ф. Тамендарова «Гончие псы» стала лауреатом престижного форума. С. Холлингсворда, переводчика из Лондона «привлекли сюжет, динамичная интрига повествования. Это крайне важно, ведь книга адресована молодёжи, а я раньше не переводил литературу для читателей данной возрастной категории. Что касается выбора именно этой книги... Тут все переводчики единодушны в своем мнении: любимый перевод – это когда автор пишет хорошо. Что может быть лучше, чем заниматься любимым делом и к тому же работать с увлекательным сюжетом?!»³

Одна из повестей С. Санбаева увидела свет с символическим названием «Когда жаждут мифа». Ее главный герой – старый табунщик Елен по пути к подножью Каратау оглядывает свой путь, вспоминая прошлое. Авторское повествование неторопливо: «Нижняя часть хребта Каратаучика темнела частыми узинами ущельев. Старик знал, что такие же ущелья прорезали невидимые отсюда юго-западные склоны. Он снова постоял, представляя себе древние шумные селения, укрывшиеся в теснинах, зеленые оазисы вдоль речек, абрикосовые, яблоневые и тутовые сады карлуков – одного из четырех племен, населявших

некогда полуостров. Все это исчезло со времени нашествия монголов, потом хорезмийцев, было засыпано обвалами, занесено песком, и разве только он, Елен, найдет кое-какие следы древней жизни мангыстауских аулов. Ясно различимы сейчас лишь караванные пути по обеим сторонам хребта, они творились веками, на века и остались... По северной дороге шли к морю купеческие караваны из Хазарии и Руси, а по верхней южной дороге локтями – трудно добирались торговцы из Хорезма, вечно враждовавшего с Мангыстау»⁴.

Любовь к родной земле, ее славному и трагическому порой прошлому – лейтмотив всех художественных произведений С. Санбаева. Ворвался в большую литературу прозаик со своей знаменитой «Белой аруаной», которая вошла в антологию ста лучших рассказов мировой литературы о жизни животных, изданную в Лондоне. В повести, главная героиня которой белая верблюдица Аруана постоянно ищет путь домой, «мощно прозвучал зов родины, мотив притяжения родной земли»⁵.

Вот и в повести «Когда жаждут мифа» герой произведения свято верит в то, что на его земле есть все, необходимое человеку: древнее и молодое, суша и море, кумыс и родники, кони и машины, колхозы и забытые колодцы.

Довольно распространенный прием в мировой литературе, когда автор произведения включает в его ткань рассказы, легенды, воспоминания о прошлом. Вступив в храм Шакпак, вырубленный в скале, молодой археолог Булат рядом с убеленны-

ми сединами Еленом рассматривает «изображения лошадей, верблюдов и гепардов, человеческих рук, орнаментальных узоров, надписей на древних языках. Немыслимо сложные по замыслу и исполнению гравюры безвестных художников жили вечной жизнью и покоряли совершенством. Многоплановые композиции, изображающие сцены охоты и сражений, чередовались со знаковой символикой, магическими эмблемами и эпиграфами на арабском языке, и все это было так увязано друг с другом, и со светом, падающим сверху, и с самим небом, и с формой стен...»⁶.

О славном прошлом родного края повествует Елен, потому что «опыт и мудрость были ему в тягость. Песни, хранимые человеком, должны петься, иначе они разорвут сердце; легенды – доверяться людям, мудрость твоя – постигаться другими»⁷.

С. Санбаев особое место в романах и повестях отводит мифологии. Три линии когда-то провел художник на скале. Они символизировали три дороги: дорогу войн, дорогу жизни и дорогу вечности. Линию – дорогу вечности – он провел по камню, чья жизнь – вечность по сравнению с жизнью человека.

Бег времени, стремительный и неудержимый, олицетворяет в романе «Лист, скользящий по снегу» тетралогии «Времена года нашей жизни» бег знаменитого скакуна Акмоншака. Воспоминание проходит своеобразным рефреном через роман: «Казалось мощи Акмоншака нет предела. Когда кони проходили мимо толпы, белый скакун распла-

стывался в беге, напоминая птицу. Конь как бы летел по-над землей, реял в воздухе: никакого намека на усталость, ни рывка, ни потуги. Бег просто слагался сам собой»⁸.

В памяти Галимжана, главного героя тетралогии, живут картины его детства в родном Макате, он размышляет о жизни своих родителей. Отсюда – его желание написать книгу о нефтяниках, их суровом и поэтичном крае.

Пейзаж на страницах романа «Лист, скользящий по снегу...» способствует более глубокому раскрытию судьбы главного героя: «И в этой тишине, словно от чьего-то неосторожного вздоха, сорвался с дубка лист и полетел, покачиваясь и кружась, по склону длинного холма, лишь иногда касаясь снега и тут же взлетая вверх от его холодного дыхания. Он летел долго, как крошечная лодка в безбрежном море, тень ладони, единственное заметное глазу движение: и трое парней, оказавшихся на вершине холма, теряли из виду и тут же находили этот темный, скользящий лоскуток, оставшийся от лета»⁹.

Так же Галимжан жил, словно скользя... И лишь после трагического случая на родине, после смерти его жены Секер Галимжан оказался на пороге новой жизни. «Он проживет свою весну, как прочитал бы хорошую книгу. Вернее, как написал бы хорошую книгу, которая понравится Секер. Обо всем, чем жил... И это будет лето, долгая осень и зима, а весна – впереди...»¹⁰.

Полихронная структура повествования историко-современного рома-

на С. Санбаева включает элементы интеллектуальной, мифологически-ассоциативной, производственной и историко-философской прозы.

С повзрослевшими героями мы встречаемся вновь в романе «Весной нас зачарует голос» о войне в Афганистане. С. Санбаев прослеживает судьбы казахских семей, откочевавших в трагические двадцатые годы XX в. через мангыстауские степи в Туркмению и Афганистан. Казахи называли эту страну на свой лад – Ауганистаном, Страной откочевников, Прибежищем переселенцев. Кабул – Кабыл – Открытый город, принимающий людей. Главными были дух племенной жизни, свобода вероисповедания, возможность свободно кочевать по просторам со своими стадами. Так прошлое вторгается в жизнь жителей долины Оймак. Отряд моджахедов под командованием Гинаята выполняет сложную задачу. Ему поручено доставить французского журналиста через минные поля и горный перевал Шакмак к следующему перевалу Чермен в отряд Ахмад Бека. Гинаят понимает, что отнюдь не журналиста сопровождают его бойцы, слишком активизировались советские десантники, идут буквально по следам. Их цель – перехватить военного специалиста, направленного под видом журналиста координировать военные операции повстанцев и моджахедов. Порой полевые командиры, а не погрязшие в интригах политики решали дело.

Такова внешняя канва событий. Но роман глубже и многослойнее. Он о Родине в сердце каждого персонажа, о правде и предательстве,

долге и чести, семейных ценностях, о прошлом и настоящем. Роман динамичен.

Офицеры, сопровождающие француза, молчаливы, полны ненависти к просоветскому кабулскому правительству, разлучившему их, преподавателей университета, с семьями, и живут законами газавата. Гинаят, в отличие от офицеров, уверен в том, что все иностранные советники, журналисты и наемники меньше всего думают о благе афганцев, о желанной свободе и мире. Гинаят преклоняется перед главой «Национального фронта освобождения Афганистана» Моджаддеди, защищающего простых афганцев. «Вот почему казах Гинаят Нуржанулы, выросший в ауле скотоводов, верой и правдой служит Моджаддеди целых шесть лет, а жители долины Оймак, – пишет автор, – всегда помогают его отряду. В этом мире, считал он, все простые люди, живущие честным трудом, нуждаются в сильном и справедливом защитнике»¹¹.

Решительный и жестокий полевой командир душманов Ахмад Бек не щадил не только никого из тех, кто подозревался в связи с коммунистами, но и не оставлял в покое простых жителей кишлаков.

Жизнь кишлака Сарыташ напоминает командиру десантного батальона майору Нурлану Турлыжанову жизнь казахских аулов в глухих местах Туркменистана, где проходил он военную службу, с той существенной разницей, что шорави являлись для афганцев чужеземцами, потому что пришли освободить народ, «который вовсе не просил их об этом».

Сложная обстановка в стране сохранялась: «Президент Бабрак Кармаль, пришедший к власти после свержения Амина, пытался укрепить свою власть в стране только силой: пытки ни в чем не повинных людей, массовые расстрелы были в ходу. Усилия теперешнего президента Наджибуллы, направленные на национальное примирение, тоже не давали плодов, хотя он и пошел на уступки оппозиции»¹².

Трудно понять майору Турлыжанову, действительно ли старейшины кишлаков соблюдают условия перемирия или ведут двойную игру, подобно проводнику Сайфулле. Одним-двумя штрихами писатель рисует образ 40-летнего афганца с характерной походкой. Сайфулла «шел длинным, скользким шагом, как-то странно разводя руки в стороны, словно пытался поймать какого-то зверя или животное... Прорезая ночной воздух руками, словно крыльями,.. отчего казалось, что он как бы стелется по-над землей, парит в воздухе»¹³.

Турлыжанов дорожит званием десантника, командира элитных частей армии, воинским братством и пытается разобраться в сложных взаимоотношениях этой разноплеменной страны, в традициях и обычаях: «До недавних пор в здешних горах и пустынях то и дело вспыхивали межплеменные войны,.. длились по несколько лет, сопровождаемые таким жутким насилием и зверством, что в жилах леденеет кровь... И сейчас сплошь и рядом – дикие расправы, кровная месть, рабский труд, продажа девочек, еще почти

детей, в жены. Правосудие совершается не столько по шариату, сколько по патриархальным и феодальным законам»¹⁴.

Накануне праздника Новруз и Гинаята и его боевым друзьям хочется провести семьи в кишлаке Сарыташ, в котором живут таджики, узбеки и казахи: «Чья-то семья пострадала от соперничавших между собой отрядов моджахедов, в чьей-то семье потеряли кормильца в годы репрессий, развязанных Хафизуллою Амином, чей-то родственник сидел в тюрьме еще с поры Бабрака Кармаля, уповая на амнистию, которую, по слухам, скоро объявит правительство Наджибуллы, кто-то в поисках счастья ушел в Пакистан или служил в правительственных войсках»¹⁵. Старейшины кишлака Нуржан-баба, Махмуд и Губайдулла стремятся сохранить мир и помочь своим детям.

Дом самого Гинаята со скудным достатком. Его жена Нагима с трудом верит в то, что в кишлаке откроют школу и трое сыновей научатся грамоте. Приветливый и внимательный, обладающий цепким, пытливым взглядом офицер-казак Нурлан манерой разговора и внешним сходством напоминал Нагиме Гинаята. И дети почувствовали это. Нурлан Турлыжанов пытается разобраться, кто же скрывается под именем Бакая? Есть ли такой полевой командир? И все больше (после беседы с Нуржаном) склоняется к мнению, что это и есть Гинаят. Помогают ему в этом разобраться давние рассказы отца о древних батырах уильской и каратальской степей – Ботакане,

Карабатыре, Алакае, Макате, Сакале, Кошкаре и Бакае... Старший брат Галимжан запечатлел их подвиги в своих произведениях. По именам сыновей Гинаята – Карабатыр, Каракерей, Жаик – можно догадаться, откуда семья пришла в далекий Афганистан. Неслучайно Галимжан говорил, что имена предков дают детям, чтобы не позабылась история родного края, а история – это суть биографии народа.

Судьбы героев так тесно переплетены в романе, что дело не в одном только родном поселке Макат, о котором вспоминает Нурлан. Отец Гинаята старик Нуржан, хозяин кишлака, успел перед смертью рассказать Нурлану про его отца, Турлыжана, который пришел забирать у него в 1929 г. скот (по разнарядке количество кулаков и баев все увеличивалось). Нурлану старейшина Нуржанбаба напоминает то персонаж романа Галимжана, то Темира-ата и Оспана-ата, однажды превратившихся в каменных балбалов в тайсойганских песках и рассказывающих древнюю историю. Выслушав старейшин кишлака мудрых Нуржана и Нияза, отнюдь не заблудших душ, как считали в Казахстане людей, живущих на чужбине, Нурлан вдруг осознает, что настоящая история его родного края живет за границей. Нияз рассказывает об акыне Отемурате, батырах Кошкаре, Бараке, Бакае.

Уважаемый всеми, заслуженный учитель Турлыжан в это время в соседнем Казахстане готовится к переезду из Макаата в Алма-Ату, к сыну Галимжану, писателю, перебирает свои документы, мандаты, свидетельства, орденские книжки, гра-

моты и дипломы (от свидетельства об окончании русско-киргизской одноклассной и двухклассной школ до командира партизанского отряда). Такой прием позволяет автору романа окинуть взором всю жизнь героя. О биографии отца вспоминает и Галимжан. В голодные годы спасал степняков, во время войны – литовок, строивших узкоколейку Макат – Кульсары. Об этом – фильм «Дом у соленого озера», автором сценария которого стал С. Санбаев.

Архитектоника романа включает не только рассказы о прошлом, легенды и предания. Слова песни солистки ансамбля «Дос-Мукасан» Курманай Омаровой под стук колес поезда сопровождают в пути Галимжана:

*Мерцающая в сини ночной прохлады,
Горит звезда моей мечты.*

Песня наводит Галимжана на вопрос о том, как же живут люди вдали от родины? Те, которые вынуждены были покинуть родные места и были насильно отлучены от родины.

Своеобразие композиции романа С. Санбаева «Весной нас зачарует голос» в том, что действие развивается параллельно: в западном Казахстане и в Афганистане. Майор Турлыжанов замечает много общего между жизненным укладом на родине и в Сарыташе: «Подобно мифическому «узун-кулаку», распространенному в казахских степях, когда заслуживающая внимание новость невесть как распространяется по аулам, рассыпанным в безбрежной степи, так и здесь, радостная или печальная весть быстро достигала селений. Она передавалась из уст в уста, переходила границы, ее не

оставляли без внимания противоборствующие стороны. Они на время забывали о вражде и исполняли неписанный закон: передавали весть дальше и только после этого возвращались к своим делам: спорам, борьбе или к бою»¹⁶.

Афганистан многому научил. Никак нельзя быть ниже звания афганца. И на гражданке герои произведения обещают вести себя как подобает десантнику: «Афган на всю жизнь».

Белый женский платок, который срывает с непокрытой головы Нагима со словами: «Вы же с одних колодцев. У вас один предок», останавливает Нурлана и Гинаята от необдуманных шагов и последствий. Зыбкий мир в кишлаке восстановлен, четвертый сын Гинаята и Нагимы увидел свет, крик новорожденного – голос весны.

Крик новорожденного возвещает о начале новой жизни. А бег Белой аруаны продолжается. Прошлое, настоящее и будущее, картины реальной жизни и вымысел, фантастические сюжеты и образы соседствуют с вполне современными героями в романах А. Жаксылыкова. Переживанием за судьбу своей страны пронизано, как красной нитью, многоплановое и многогранное повествование «Сны окаянных», экзистенциальная направленность которого очевидна. Пять книг структурно, семантически, философски, мотивно связаны и посвящены памяти безвинных жертв испытаний на атомных полигонах Казахстана. Жертвы ядерного полигона в Семипалатинске, их изуродованные судьбы воспроизводятся со всей силой

реализма в рамках философского, экспрессивного повествования. Не может оставить равнодушным читателя судьба подрастающего поколения, вынужденного жить в изоляции на территории брошенного военного городка. Поэтика произведения включает несколько повествовательных пластов и сюжетных линий.

Авторская манера повествования гиперболична и гротескна. Тем выпуклее решается тема войны, ядерных полигонов, безудержной гонки вооружений. Раскрываются мифологические аспекты психологии войны в мышлении людей. Нередко в текст художественного повествования автор включает сухие статистические данные о младенческой смертности, которая была наиболее высокой в Западном Казахстане из-за недостаточных мер по охране здоровья и сильного химического заражения окружающей среды в результате действия военных полигонов «Капустин Яр» и «Азгир». Совместное воздействие химических и радиационных факторов (эффект синергизма) приводит к более сильному воздействию на живой организм, по сравнению с каждым из этих факторов в отдельности.

Важна встреча героя первой книги романа «Поющие камни» Жана с самим собой, как важно и раскрытие темы советского прошлого, тоталитаризма. Автор приветствует стремление к гармонии, истине, добру и красоте. Многочисленные функции выполняют в романе сновидения, своеобразные миры наизнанку. Герой нередко пребывает в двух мирах: реальном и бессознательном. Концепт дороги – традиционный

символ жизненного пути героя. Трагедийному повествованию присуща мифологичность. Всем ходом эпического повествования А. Жаксылыков призывает к свободе и ответственности, возвеличивая в человеке творца, воспевая силу его духа. Наиболее сложным в структурном и философском плане является роман «Дом суриката», продолжающий в футуристическом и неореалистическом духе тему сверхвооружений в новейшей мировой истории. Глобальный экологический кризис усугубляет последствия необузданной гонки вооружений. Сложные стилистические фигуры и тропы, эллипсис, парабола, парадоксы образуют внутренне единую ткань повествования. Автор вместе с читателем ищет Путь.

Критики и литературоведы относят произведения А. Жаксылыкова к модернизму, постмодернизму, неореализму. Сам писатель по этому поводу говорит: «Для чего дается художнику воображение? Разве не сказал великий шаман Дон Хуан: «Парите на крыльях воображения». Вселенная всегда шире и богаче нашего воображения... Мне понравилось одно определение, которое увидел в Интернете среди откликов на роман: «Ироническая, интеллектуально-ассоциативная проза». Мне оно показалось исчерпывающим. Кроме того, на семантическую многослойность текста книг, возможно, повлияли мои увлечения квантовой философией, философией йоги, теорий поля и др. Мои тексты – это часто идиостиль, отмеченный экспрессией, экзатичностью, нацеленный на сложное совмещение разных

сознаний в тексте одновременности происходящего. Поэтому появляются верлибры, метафоры, аллюзии, символы, реминисценции из мировой поэзии и др.»¹⁷.

Символическая полифония образов-метафор в произведениях А. Жаксылыкова разнообразна. Образ степи Золотого века, прекрасной, щедрой и неистощимо богатой, – центральный образ-символ текстов А. Жаксылыкова. Степь запоминается в образе бегущей, зовущей и кричащей женщины. «Быстрые облака на небе, тени, плывущие по земле, бурые острова скальных массивов, а между ними серебристые ковыльные проливы, длинные волны бегущих под ветром трав»¹⁸.

Степной пейзаж как итог деятельности человека, атомных испытаний, фантастичен и фантазмогоричен: «Каменистая пустыня дышала жаром, изнемогала под прямыми лучами солнца, исходила зноем, тяжелым, болезненным... Безжалостным огнем до корней были сожжены мирные травы и деревья, во многих местах беззащитная кожа земли оплавилась, растрескалась и осела в глубоких ранах»¹⁹.

XX век А. Жаксылыков характеризует как век столкновений идеологий, глубоких разломов и движения мифологических матриц. Борьба мифов и идей с большой силой влияет на судьбу современного человечества. Об этом – произведения русскоязычных писателей Казахстана, литературу которых В. Михайлов предлагает называть литературой русскоязычных.

Сведения об авторах: Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М. О. Ауезова (г. Нур-Султан, Республика Казахстан), e-mail: svapanueva@gmail.com; Нургали Кадиша Рустембековна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан), e-mail: nurgalik1@mail.ru.

Аннотация: Русскоязычная литература Казахстана на современном этапе развития представлена содержательными и актуальными произведениями, затрагивающими самые разнообразные темы и проблемы. Проблема «человек и пространство» остается актуальной по-прежнему. В жанровом отношении литература русскоязычных характеризуется разнообразием и отчетливо выраженным авторским стилем и глубоким психологизмом.

Ключевые слова: русский язык, рефрен, русскоязычные писатели, человек и пространство, степь, образ-символ.

Abstract: Russian-language literature of Kazakhstan at the present stage of development is represented by meaningful and relevant works, touching upon a variety of topics and problems. The problem of «man and space» remains relevant as before. In terms of genre, Russian-speaking literature is characterized by diversity and a distinctly expressed author's style and deep psychologism.

Key words: Russian language, refrain, Russian-speaking writers, man and space, steppe, image-symbol.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Бадиков В. Превозмочь одиночество // Бадиков В. С вечностью – на чистоту. – Алматы: Алаш, 2014. С. 208.
- 2 Бадиков В. Гармонии таинственная власть // Бадиков В. С вечностью – на чистоту. – Алматы: Алаш, 2014. С. 143.
- 3 Арцишевский А. Фархаг Тамендаров поднимает престиж литературы Казахстана // *Central Asia Monitor*. 21.11.2019. С. 4.
- 4 Санбаев С. Когда жаждут мифа // Санбаев С. Собрание сочинений: в 6 т. – Астана: Агроиздат, 2009. Т. 1. С. 123.
- 5 Ауэзов М. Времен связующая нить – Астана: Издательский дом «Жибек жолы», 2016. С. 683.
- 6 Санбаев С. Когда жаждут мифа // Санбаев С. Собрание сочинений: в 6 т. – Астана: Агроиздат, 2009. Т. 1. С. 126.
- 7 Там же. С. 159.
- 8 Санбаев С. Лист, скользящий по снегу // Санбаев С. Собрание сочинений: в 6 т. – Астана: Агроиздат, 2009. Т. 3. С. 191.
- 9 Там же. С. 199.
- 10 Там же. С. 204.
- 11 Санбаев С. Весной нас зачарует голос // Санбаев С. Собрание сочинений: в 6 т. – Астана: Агроиздат, 2009. Т. 3. С. 210.
- 12 Там же. С. 227.
- 13 Там же. С. 307.
- 14 Там же. С. 279.
- 15 Там же. С. 245.
- 16 Там же. С. 367.
- 17 Вселенная всегда шире и богаче нашего воображения. Интервью // Жаксылыков А. Труд писателя и творческий процесс. Сб. избранных лекций. – Алматы: Казак университета, 2013. С. 186.
- 18 Жаксылыков А. Сны окаянных. – Алматы: Алматинский издательский дом, 2006. С. 175.
- 19 Там же.